

В комнате воцарилась оглушительная тишина. Лишь из глубины двора доносились едва слышные радостные возгласы и смех Вэнь-эра. Чжэн Цзиань и Ху Баочжу в глубоком потрясении переглянулись, а затем синхронно отвели глаза, погружившись в собственные мысли.

Ху Баочжу, услышав слова сына, будто оцепенела. Рука её невольно легла на живот. В памяти всплыл тот странный случай в деревне Фэйши. Могло ли это быть правдой? Совпадало ли сказанное мальчиком с её собственными подозрениями?

Она посмотрела на мужа — во взгляде смешались девичья робость, глубокая тревога и тихая надежда. В июле её «Куйшуй» пришёл не вовремя, да и само недомогание было странным: крови оказалось совсем мало, и всё закончилось буквально за пару дней. Тогда она списала это на волнение из-за «Цювэй» супруга — мол, перенервничала, вот организм и дал сбой.

Но когда в августе привычные сроки прошли, а женские дела так и не наступили, Баочжу испугалась. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия: а что, если то июльское кровотечение было вовсе не циклом, а угрозой? Именно поэтому она, подхватив Вэнь-эра, так спешно вернулась домой. Ей нужно было во всём признаться мужу, ведь и раньше её здоровье не отличалось постоянством.

Но неужели слова сына — правда? Неужели она уже носит под сердцем дитя? И если так... всё ли с малюткой в порядке после того случая?

Чжэн Цзиань тоже пребывал в прострации. Он даже забыл, что собирался поймать сорванца Вэнь-эра, чтобы устроить тому допрос. Заметив, как жена положила руку на живот, он вздрогнул, словно от удара током. Повинуясь инстинкту, он подскочил к супруге, поддерживая её за плечи и увлекая к стулу.

— Сядь, родная, сядь скорее. Тебе нельзя долго стоять, устанешь, — забормотал он, хотя сам ещё толком не осознал происходящее.

Ху Баочжу послушно опустилась на сиденье. Глядя на растерянного, но преданно оберегающего её мужа, она почувствовала, как в душе разливается тепло. Тревога за ребёнка никуда не исчезла, но забота супруга помогла ей взять себя в руки. Она крепко сжала его ладони.

— Муж мой, — заговорила она, и голос её дрогнул от смущения и страха. — Я и сама хотела тебе во всём повиниться. Ещё у родни я заметила, что в августе сроки вышли, а ничего не случилось. А теперь и вовсе думаю: вдруг в июле то было не обычное недомогание, а «Куйшуй» с «дурной кровью»? Ты же знаешь, у меня и раньше всё бывало неладно, вот я и не придавала значения, списала на обычный сбой. Лишь когда в августе всё затянулось, я места себе не находила и бросилась назад, к тебе. А теперь ещё и Вэнь-эр... Если он не ошибся, то как же малютка? Не повредило ли ему то кровотечение?

Чжэн Цзиань слушал её, и лицо его становилось всё мрачнее. Кровотечение? Страх за здоровье

жены и жизнь будущего ребёнка ледяной иглой вонзился в сердце. Но при этом в глубине души он уже ни на миг не сомневался: она беременна.

После того как они подлечили её здоровье несколько лет назад, её циклы стали точными, как часы. А тут — два месяца тишины, да ещё и это мистическое прозрение сына. Нет, это не случайность!

— Так, — он решительно выпрямился. — Нужно немедля звать лекаря!

Цзиань на мгновение притянул жену к себе, пытаясь успокоить и её, и себя.

— Не бойся, ласточка моя! Что бы там ни было — задержка или «Куйшуй» с «дурной кровью», — мы сейчас же всё выясним. Но сперва... сперва я вытрясу всё из этого негодника. Ты сиди, не шевелись. Я его сейчас приведу.

С этими словами он, преисполненный решимости, вышел во двор, чтобы изловить Вэнь-эра, который всё ещё носился кругами.

***

— Вэнь-эр, ну-ка отвечай: с чего ты взял, что у матушки в животе ребёнок? Кто тебе такое сказал? Неужели... тот старец, что являлся тебе прежде?

Чжэн Цзиань гадал — в конце концов, с сыном и раньше творились «чудеса».

— Ого! Папа, какой ты молодец, сразу догадался! — Чжэн Чэнвэнь восторженно захлопал в ладоши, не скупясь на лесть. — Точно! Это всё тот дедушка-небожитель. Перед тем как сесть в телегу пятого дяди, он вдруг снова возник у меня в голове. Сказал, что у мамы в животе теперь живут детки, и наказал мне её беречь. Я так обрадовался! Всё ждал, когда ты вернёшься, чтобы секрет открыть!

Ху Баочжу ахнула, прикрыв рот ладонью.

— Так вот почему он был такой радостный в тот день... Всю дорогу на телеге меня поддерживал, за руку держал. И всё шептал, что у него есть тайна для отца. Вот оно что...

Чжэн Цзиань облегчённо выдохнул. «Слава предкам, что малец догадался дождаться меня», — пронеслось в голове. Он с содроганием представил, что было бы, разболтай сын об этом в деревне Фэйши. Мать Цзианя (бабушка Вэнь-эра), невзирая на правду или вымысел, костями бы легла, чтобы оставить невестку у себя «на сохранение». И тогда...

Память о том, как «заботливо» она выхаживала Баочжу в прошлый раз, заставила его

содрогнуться. Он бы с ума сошёл. Наверное, силой бы вырывал жену из родительского дома. Лицо его на миг исказилось от затаённого гнева и страха.

Чжэн Чэнвэнь, ожидавший продолжения допроса, попятился. Лицо отца стало каким-то пугающим. «О чём это он там думает? Чего его так перекосило?» — мальчик невольно поежился от пробежавших по коже мурашек.

Ху Баочжу тоже заметила перемену в муже. Она мягко коснулась его руки.

— О чём ты, дорогой?

Цзиань очнулся, крепко обнял её и глухо пообещал:

— Не бойся, Баочжу. Я не допущу, чтобы то, прежнее, повторилось. О матери не беспокойся — я сам со всем разберусь.

Женщина на миг замерла, осознав, какая старая рана вновь закровоточила в душе мужа. Она прижалась к нему, шепча:

— Ну что ты, не надо. В этот раз всё будет иначе, я сама за собой присмотрю. Видишь, как только почуяла неладное — сразу к тебе. А мама... она ведь тогда не со зла. Не кори себя и её не вини.

Цзиань чувствовал, как её маленькая ладонь сжимает его пальцы, и ярость, кипевшая внутри, начала остывать. Да, она права. Теперь она не та запуганная девчонка, которой была когда-то. Эти годы в любви и покое изменили её.

Он снова обратился к сыну:

— Вэнь-эр?

Мальчик, забросив все дела, увлечённо ковырял в заусенце.

— А? Что, папа? Ты что-то хотел?

Чжэн Цзиань вздохнул. «Боги, ну до чего же бестолковый ребёнок», — подумал он.

— Я спрашиваю: что именно сказал тебе дедушка-небожитель? Помнишь ли ты его слова в точности? Говорил ли он что-нибудь о здоровье матери?

Вэнь-эр приосанился и с самым важным видом выпятил грудь.

— Ну конечно! Я же умный, я всё-всё запомнил! Старец сказал, что у мамы в животике теперь сразу два малыша. Сказал, что мама — молодец, и детки у неё будут крепкие-прекрепкие. Только наказал, чтобы мама не засиживалась на месте, ей двигаться надо.

Потом он обиженно надул губы:

— Вредный этот дедушка! Я его столько всего спрашивал, а он — ни в какую. Папа, мама, а там кто? Братики или сестрички? Я хочу знать!

— Я... я и сама не ведаю, — пробормотала Ху Баочжу, всё ещё пребывая в шоке от известия о двойне. Счастье и страх смешались в причудливый коктейль. Конечно, это были лишь слова ребёнка, и без лекаря ничего нельзя утверждать наверняка, но сердце уже пело. Она растерянно посмотрела на мужа.

Чжэн Цзиань застыл. Двойня? И оба здоровы? Неужели этот старец и впрямь дух их великого предка? Он вспомнил про «Амулет спокойствия и безопасности» из храма Лунъянь, который сын никогда не снимал... Видимо, буддийские святые не мешают семейным духам присматривать за потомством.

«Ладно, — решил он, — нечего голову забивать чертовщиной. Пусть это будет... особенный дар нашего Вэнь-эра. Главное — чтобы чужие уши не прознали».

Он кашлянул, возвращая себе серьёзный вид.

— Нас не спрашивай, сынок, мы и сами не знаем. Ведь это ты нам новость принёс! Молодец, Вэнь-эр. И это всё, что сказал старец? Точно больше ничего?

— Всё-всё! Говорю же, он жадный на слова. Сказал своё — и поминай как звали. Я даже обиделся на него, больше разговаривать не буду!

Так Чжэн Чэнвэнь на ходу вылепил из своего «системного помощника» образ сурового и немногословного отшельника. Мол, старик вещает сам по себе, а на вопросы не отвечает.

— Не обижайся, — примирительно сказал отец. — То, что ты вообще его слышишь — уже великое чудо. Но запомни крепко: об этом секрете — ни звука! Ни одной живой душе, кроме нас с матерью. Понял?

Цзиань не был уверен, что восьмилетний ребёнок удержит такую тайну, поэтому решил, что будет напоминать об этом каждый божий день.

— Ой, ну папа! Какой ты зануда, точь-в-точь как тот старец, — фыркнул Вэнь-эр. — Он мне тоже велел помалкивать. Я уже большой, я обещание дедушке-небожителю дал, так что могила!

Чжэн Цзиань посмотрел на сына, который с гордым видом колотил себя кулачком в грудь. Тревога не ушла, но пришлось довериться. «В конце концов, — подумал он, — если малец и сболтнет что-то, кто поверит ребёнку?»»

<http://bllate.org/book/17410/1657809>